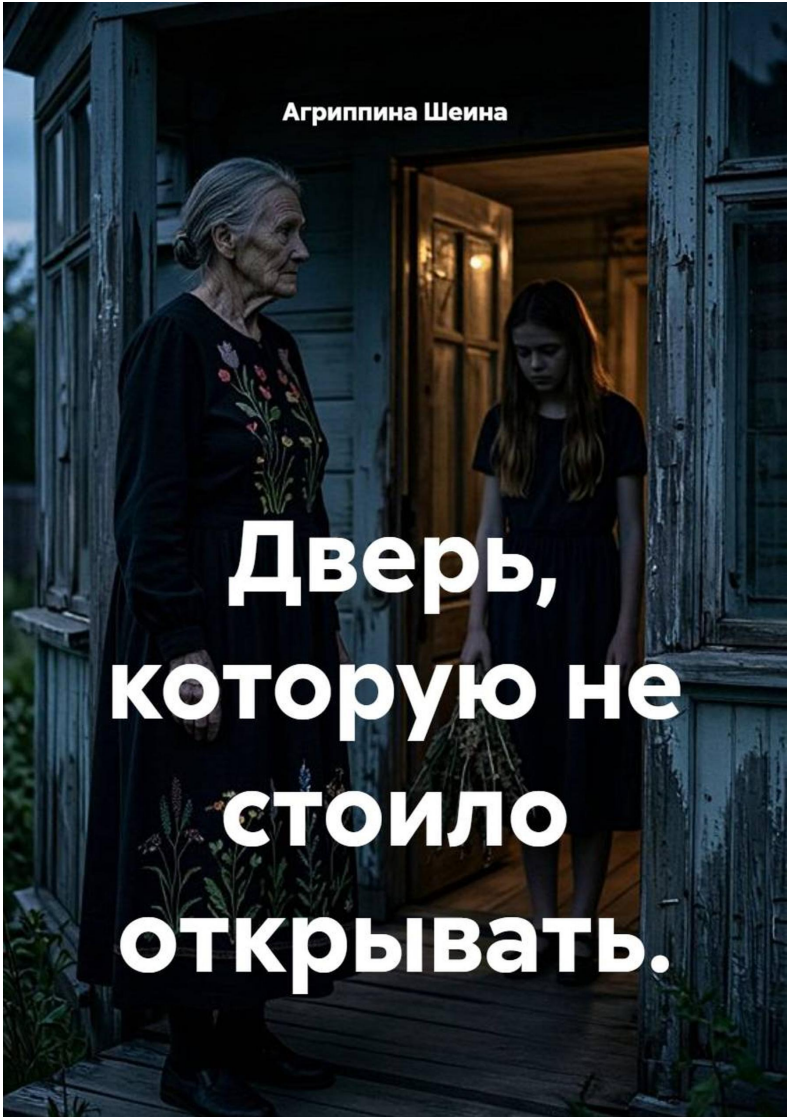
Агриппина Шеина
Дверь, которую не стоило открывать.

Агриппина Шеина

Дверь, которую не стоило открывать.

https://litres.ru/74825214
SelfPub; 2026

Аннотация

Дом стоит на краю деревни так, будто сам старается держаться подальше от людей. Внутри запах сухих трав и тишина, в которой слышно, как оседает пыль. Пожилая женщина знает: дом помнит все, что в нем происходило, и не спешит забывать плохое. Когда на пороге появляется уставшая девушка, старуха приглашает ее зайти. Но она слишком хорошо знает, как легко чужое отчаяние может разбудить то, что лучше держать спящим. И с этого момента тишина в доме становится другой - густой, настороженной, будто кто-то или что - то прислушивается к каждому вздоху. И чем дольше девушка остается здесь, тем яснее понимает: самое страшное - не в тенях по углам, а в том что дом будто узнает ее боль и готов предложить ей способ от нее избавиться... любой ценой.

Дверь, которую не стоило открывать.

Глава 1. Выселение

Комендантша постучала в дверь трижды — вежливо, будто извиняясь, и Лера поняла всё раньше, чем успела открыть. — Лера? Лерочка. Ну, ты же сама всё понимаешь… Она не понимала. Она открыла дверь и увидела: Татьяна Викторовна, распухшая от холода раскрасневшаяся, держала под мышкой лист бумаги с печатями. Лист был маленький, а казался огромным. — Договор истёк, — сказала комендантша, ещё раз, заходя уже в комнату, будто Лера глухая. — Мест нет, очередь стоит. Я тебе в пятницу говорила, ты не пришла. Ну вот, что теперь делать. В пятницу у Леры был экзамен. Она хотела было это сказать, но поняла: это никого не интересует. Договор истёк. Точка. Слово «договор» звучало из комендантши, как приговор, без нажима, скучно — и от этой скуки было ещё страшнее. — Три дня, — сказала Татьяна Викторовна и, кажется, сама испугалась собственной доброты. — Ну ладно, два. Сегодня пятница уже. — Сегодня среда, — тихо сказала Лера. — Ну, значит, три, — не смутилась комендантша. — Собирайся, девочка. Я в порядке оказания услуг предупредила. И ушла, постучав каблуками по коридорному линолеуму так ритмично, будто счёт шёл на деньги, а Лера — на время. Комната, которую она занимала

три года, вдруг перестала быть её. Стул стал чужим. Одеяло — казённым. На полке стояли учебники, которые она собиралась продать, и коробка с чаем, которую она обещала вернуть хозяину комнаты ещё в сентябре. Вещи лежали на своих местах, но все до одной будто перестали к ней относиться. Так бывает, когда умирает человек: тело ещё тёплое, а уже всё. Лера собирала сумку два часа. Не потому что много вещей — потому что руки не работали. Она держала в руках лёгкий свитер и не могла понять, зачем он ей, зачем вообще что-либо, и где она будет завтра спать, и как говорить об этом родителям, которые в другом городе и которым она ни чего не сказала. Потом она легла на кровать, не расстелив, и уснула мёртвым сном, как дети после слёз.

Всю следующую ночь она думала, куда пойти. Ночлег по объявлению это было рискованно: она читала историю о том, как снимают комнаты одиноким девочкам и что потом с ними делают. Друзей было немного, и все из общаги — то есть все в такой же пропасти, как она.

Глава 2. Объявление

На следующий день она сидела в пустой и уже не своей комнате и листовала объявления с той спокойной, вымытой усталостью, которая приходит после долгого плача. Она искала не жильё — она искала место, где можно быть самой собой. Где никто не будет ждать её ухода. Где можно просто быть.

Объявление нашлось на третьей странице. Без фотогра-

фии. Без описания комнат и удобств. Только:

Комната в доме в пригороде. Тихо. Дёшево. На длительный срок.

И телефон, с ответом через пять секунд. Женский голос, спокойный, немолодой:

— Дом ищет жильца?.. Ну, скажем так, — голос усмехнулся. — Дом у нас разборчивый. Ты одна?.. Хорошо. Приезжай сегодня, пока светло. Или уже не выйдет светло — в пять темнеет. Доедешь на маршрутке до Старых Гусей, дальше пешком, дорогу спросишь у любого.

И, помолчав:

— Возьми тёплые носки. У нас сыро.

Лера собрала свои пожитки и отправилась к своей подруге Насте.

Настя — с курса, единственная, кто не спросил «а что случилось?», а просто отправила геолокацию: «приходи».

Ночевать Лера осталась у Насти. Настя жила на пятом этаже, в двухкомнатной квартире с родителями, и её комната была такой маленькой, что кровать, стол и шкаф жили в ней, как три взрослых человека в лифте. Но кровать была, и это уже было много.

Настиному младшему брату было семь лет, и он весь вечер стучал по радиатору железной ложкой, а потом, когда ему это все надоело ушел к себе в комнату, и за весь вечер Лера услышала от Насти ровно одну фразу:

— Ты переночевать можешь. Только, — кивок на дверь

своей комнаты, — у меня в комнате тесно. Я тебе постелю в гостиной на диване, извини.

«— Да нормально всё», — сказала Лера.

И это была правда. Нормально. Так бывает, когда человеку плохо настолько, что даже неловкость перестаёт ощущаться как проблема: всё равно, где спать, на чём спать, что о ней подумают. Есть крыша — уже хорошо. Есть чай — уже праздник.

Диван в гостиной был жестковат, но Лера уснула так быстро и так крепко, что даже не услышала, как Настя закрыла окно, как брат перестал канючить, и как за стеной в спальной комнате родители Насти включили телевизор.

Утро в квартире Насти было не из тех, когда хочется просыпаться. Оно наступало не светом, а звуками: скрипнула дверь на кухню, щёлкнул выключатель, зашумел чайник, потом раздался голос мамы Насти — тихий, но такой, будто она говорит громко, просто привыкла, что в квартире все друг друга слышат.

Лера открыла глаза и несколько секунд не могла вспомнить, где она. Диван был жёстким, плед — колючим, а потолок — чужим, с тонкой паутинкой трещин, расходящихся от угла, как вены. Потом вспомнила: общежитие, комендантша, два дня, объявление без фото, голос женщины: «Возьми тёплые носки. У нас сыро».

Она села, подтянула к себе сумку, будто та могла её защитить, и достала телефон. Экран мигнул, показал время —

7:42 — и три пропущенных от мамы. Лера быстро набрала короткое: «Всё ок, готовлюсь к зачёту, не хочу будить, перезвоню позже». Отправила и тут же почувствовала укол вины, который тут же заглушила усталостью: сейчас не до разговоров. Она так и не решилась раскатать родителям, что не сдала сессию и ее выселили из общежития. Но был шанс пересдать сессию, и она продолжит учебу. Но сейчас нужно найти, где жить.

Настя вышла из ванной, замотав волосы в полотенце, и, увидев, что Лера уже не спит, сразу заговорила, будто они продолжали вчерашний разговор:

— Если хочешь, можешь ещё тут побыть. Но моя мама. Она не против, но ей кажется, что это надолго, а надолго — это уже проблема.

— Я понимаю, — тихо сказала Лера. — Я не хочу быть проблемой.

Настя пожала плечами, не зло, а как человек, которому и самому всё это неприятно:

— Ты не проблема. Просто тут места мало. И всем как-то… тесно.

Они позавтракали на кухне втроём: Настя, её мама и Лера, молча, будто Лера была гостьей, которую все стесняются, но из вежливости кормят. Мама Насти смотрела на неё с сочувствием, которое Лера терпеть не могла: оно было слишком заметным, слишком правильным, слишком «я всё понимаю, но ничем не могу помочь».

После завтрака Настя усадила её за свой стол, подвинула ноутбук:

— Вот. Тут все доски объявлений. Я бы сама поискала, но мне на пары. Если что — пиши.

И ушла, оставив Леру одну в чужой квартире, с чужим ноутбуком и списком предложений, которые все были одинаково неправильными: «студия 18 метров, первый этаж, окна во двор», «комната в трёхкомнатной, соседи тихие», «только для женщин, без животных, без гостей». Каждое слово звучало как условие, под которое Лера должна была себя подогнать.

Она листала и чувствовала, как внутри нарастает глухая паника — не острая, а вязкая, как болото: казалось, что если она сейчас не найдёт место, то просто растворится в этом городе, станет невидимой, ненужной, лишней.

И тут она снова увидела то самое объявление. Оно будто всплыло само, хотя она не искала его специально:

Комната в доме в пригороде. Тихо. Дёшево. На длительный срок.

Без фото. Без подробностей. Только телефон. И тот самый голос в памяти: «Дом у нас разборчивый».

Лера набрала номер. Гудки шли долго, будто сигнал пробивался сквозь что-то плотное, густое, как туман.

— Алло, — голос был тот же: спокойный, немолодой, без удивления, будто её ждали.

«— Это я… та девушка, которая вчера звонила», — ска-

зала Лера, и сама удивилась, как неуверенно это прозвучало.

— Я насчёт комнаты…

— Помню, — просто ответила женщина. — Ты ещё думаешь?

— Нет, — вдруг твёрдо сказала Лера. — То есть да, думаю, но… я хочу приехать. Если ещё можно.

Женщина помолчала, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что за ними.

— Можно, — наконец сказала она. — Сегодня. Пока светло. Маршрутка до Старых Гусей, дальше пешком. Спросишь у любого — покажут. И носки тёплые возьми. У нас сыро.

— Хорошо, — выдохнула Лера. — Спасибо.

— Не благодари, — спокойно сказала женщина. — Дом просто не любит пустоты. Ему нужен кто-то.

И положила трубку.

Лера посидела ещё минуту, глядя на экран, где всё ещё висело объявление, будто она боялась, что оно исчезнет, если она моргнёт. Потом закрыла ноутбук, собрала вещи — на этот раз быстрее, без долгих раздумий, потому что теперь было куда идти.

Когда Настя вернулась, чтобы забрать ключи от квартиры, Лера уже стояла у двери с сумкой на плече.

— Ну что, нашла? — спросила Настя, и в голосе её было столько облегчения, что Лера даже не обиделась.

— Да, — кивнула она. — В пригороде. Комната.

— Отлично, — сказала Настя и тут же, будто чтобы сгла-

дить резкость, добавила: — Правда, отлично. Ты же не будешь тут ютиться. Тебе надо нормально жить.

Они обнялись у двери — неловко, по-быстрому, как обнимаются люди, которые не хотят затягивать прощание.

«— Если что — звони», — сказала Настя.

— Обязательно, — пообещала Лера, хотя обе знали, что звонить она не будет. Не потому, что не хочет, а потому, что теперь у неё начинается другая жизнь.

Маршрутка шла медленно, будто не хотела везти Леру туда, куда она просила. За окном тянулись серые дома, дворы с пустыми детскими площадками, магазины с одинаковыми вывесками, и всё это сливалось в одну длинную, скучную ленту, которая постепенно становилась всё более деревенской: дома ниже, дворы просторнее, на обочинах — стога сена и старые заборы, покосившиеся от ветра.

Лера смотрела в окно и думала, что едет не просто в комнату, а в тишину. В ту самую тишину, которая вчера показалась ей такой желанной, будто она могла залечить всё, что болело.

Станция «Старые Гуси» оказалась маленьким остановочным пунктом: бетонная плита, покосившийся указатель и киоск с красной вывеской, в котором никто не было. Лера вышла, вдохнула холодный воздух, пахнущий дымом и мокрой землёй, и почувствовала, как паника, которая всю дорогу сжимала грудь, чуть-чуть отступила.

Дорога от остановки шла через поле, потом вдоль леса, и

с каждым шагом город становился всё дальше, а тишина — всё плотнее. Лера шла и чувствовала, как её шаги становятся увереннее, будто земля под ногами говорила: «Ты на правильном пути».

Дом она увидела издалека — он стоял чуть в стороне от дороги, за покосившимся забором, и казался частью леса, будто вырос из земли, а не был построен руками. Окна были тёмными, кроме одного — того самого, маленького, в котором горел тёплый свет.

Лера остановилась на секунду, чтобы перевести дыхание, и в этот момент дверь открылась. Агафья Петровна стояла на пороге, в тёмном платке, с той же спокойной улыбкой, что и вчера.

«— Заходи, милая», — сказала она. — Промокнешь ведь.

И Лера шагнула вперёд, не раздумывая.

В доме пахло травами и воском, и этот запах был таким уютным, таким правильным, что Лера вдруг почувствовала, как с её плеч сваливается тяжесть последних дней.

Агафья Петровна взяла у неё сумку, поставила её у стены и кивнула на тапочки, стоявшие у порога:

— Снимай ботинки. Пол холодный.

Лера сняла, надела тапочки — они были мягкими, старыми, но такими удобными, будто сшитыми специально для неё.

— Чай? — спросила Агафья Петровна.

— Да, пожалуйста, — тихо сказала Лера и вдруг поняла,

что впервые за долгое время ей не нужно ничего объяснять.

Пока хозяйка грела воду, Лера огляделась. Дом был старым, но не запущенным: полы чистые, занавески свежие, на стенах — фотографии в тёмных рамках, на полке — баночки с травами, подписанные аккуратным почерком. Всё было простым, но ухоженным, будто дом любили и берегли.

Агафья поставила перед ней чашку, села напротив и посмотрела прямо, без суеты, без лишних слов.

«— Ты устала», — сказала она просто. — Это видно. Тут можно отдохнуть.

Лера кивнула, не доверяя своему голосу, и сделала глоток. Чай был крепким, с мёдом и какой-то травой, которую она не могла узнать, но которая казалась ей странно знакомой, будто она пила его в детстве, в каком-то другом доме, которого не было.

«— Комната у тебя будет за кухней», — сказала Агафья. — Там тихо. Окно выходит в сад. Весной там сирень цветёт — запах такой, что голову кружит.

— Спасибо, — наконец смогла сказать Лера.

— Не за что, — спокойно ответила хозяйка. — Дом рад, что ты пришла.

И в этот момент Лера почувствовала что-то странное — не страх, а лёгкое, почти незаметное покалывание в груди, будто дом действительно был живым и действительно её ждал.

Но она тут же отогнала эту мысль: просто устала, просто

всё слишком быстро, просто хочется верить, что здесь будет хорошо.

А дом молчал. И в этом молчании было что-то такое, от чего хотелось остаться.

Глава 3. Первый вечер в доме

Комната за кухней была маленькой, но не тесной — как будто её специально сделали такой, чтобы в ней помещалось ровно столько, сколько нужно одному человеку: кровать, стол у окна, стул, полка с тремя книгами в потрёпанных обложках. Окно выходило в сад, и сейчас, в сумерках, за ним чернели ветки, а между ними мерцали редкие огоньки — то ли далёкие окна соседних домов, то ли звёзды, пробившиеся сквозь дымку.

Агафья Петровна поставила на стол керосиновую лампу — не потому что электричества не было, а будто так было правильнее:

— Тут свет резкий, а лампа мягче. Глаза бережёт.

Лера кивнула, хотя ей казалось странным, что в XXI веке кто-то сознательно выбирает керосин. Но спорить не хотелось. Всё, чего хотелось, — это сесть, снять куртку, почувствовать, что она наконец-то на месте.

Хозяйка показала, где лежат полотенца, где стоит чайник, где в шкафу можно положить вещи, и ушла, тихо прикрыв дверь. И в этой тишине, которая накрыла комнату сразу после щелчка замка, Лера впервые за неделю почувствовала, как отпускает напряжение в плечах.

Она села на кровать, провела ладонью по покрывалу — оно было грубоватым, из старой ткани, но чистым, пахнущим сушёной лавандой. И вдруг поняла, что не помнит, когда в последний раз спала в комнате, где никто не ходит за стеной, не хлопает дверями, не включает музыку в два часа ночи.

Молоко, которое не киснет

Через полчаса Агафья Петровна принесла поднос: чашку чая, ломтик чёрного хлеба, кусочек масла и маленькую баночку сметаны.

— Ешь, — сказала она. — Дорога выматывает.

Лера взяла сметану, открыла крышку — и на секунду замерла. Сметана была такой густой, будто её только что сняли с молока, и пахла не магазином, а настоящей деревней: сливками, травой, покоем. Она положила ложку на хлеб, съела — и почувствовала, как по телу прокатывается тёплая волна, будто еда возвращала ей силы, которых она даже не замечала, что потеряла.

Потом Агафья поставила на стол бутылку молока — в стеклянной бутылке, с бумажной крышкой.

«— Оставь на столе, если не допьёшь», — сказала хозяйка. — Утром будет как свежее. Тут у нас так.

И ушла снова, оставив Леру одну.

Лера допила чай, съела хлеб, отставила бутылку с молоком — в ней оставалось чуть больше половины. Подумала: «Надо убрать в холодильник», но не пошла. Слишком хоте-

лось просто посидеть в тишине, послушать, как дом дышит.

А дом дышал странно. Не скрипами, не шорохами — а как будто паузами. Между звуками. Вот где-то в стене пробежал сквозняк, вот половица вздохнула, вот за окном хрустнула ветка. И между этими звуками была тишина, которая казалась почти осязаемой — плотной, тёплой, как плед.

Лера легла, укрылась одеялом и уснула почти мгновенно.

Утро, которое не должно было быть таким

Проснулась она от запаха — не кофе, не хлеба, а чего-то травяного, пряного, как будто в комнате только что заварили сбор из сухих листьев. Открыла глаза — за окном было светло, но не ярко: утро было серым, пасмурным, с той особенной тяжестью воздуха, которая бывает перед дождём.

Она потянулась, села, посмотрела на стол — и замерла.

Бутылка молока стояла на том же месте. И выглядела точно так же. Ни капли не пролилось, ни капли не испарилось. Но главное — оно не скисло.

Лера встала, подошла, сняла крышку, понюхала. Молоко пахло молоком — свежим, холодным, будто его только что принесли из холодильника. Она потрогала стекло — оно было прохладным, но не ледяным. Как будто ночь не тронула его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.